

влекательности, в том числе наличие целого спектра льгот, стимулирующих инвестиционный поток.

Предварительные итоги членства *Украины* в ВТО оценить сложно, поскольку она вступила в ВТО в 2008 г., когда начался финансово-экономический кризис, а с 2014 г. разразился военный конфликт на востоке страны. В 2009 г. имело место падение ВВП страны, однако вплоть до 2013 г. наблюдался его плавный рост. В 2014 г. (по данным Госстата Украины) реальный ВВП Украины упал на 6,8% по сравнению с 2013 г. (с. 162). Снизился также приток иностранных инвестиций (даже из стран ЕС), значительно потеряла в своей стоимости украинская гривна.

Данные по товарообмену Украины со странами ЕС демонстрируют существенное превышение импорта над экспортом. В результате Украина имеет отрицательное сальдо торгового баланса, что говорит о недостатке конкурентоспособной продукции для экспорта. По оценке ЕАБР, рост импорта из стран ЕС после обнуления импортного таможенного тарифа в рамках соглашения об ассоциации с ЕС будет набирать обороты – по отношению к 2015 г. совокупный импорт увеличится примерно на 1,5-2%. Итоговый результат внешней торговли может оказаться для Украины отрицательным как в краткосрочной перспективе, так и в период до 2030 г. (с. 164).

М.А. Положихина

2016.02.065. КОРНЕЛЛ С., ДЖОНССОН М. КОНФЛИКТЫ, ПРЕСТУПНОСТЬ И ГОСУДАРСТВО В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЕВРАЗИИ.

CORNELL S., JONSSON M. Conflict, crime, and the state in postcommunist Eurasia. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania press, 2014. – 286 p.

Ключевые слова: Евразия; организованная преступность; вооруженные конфликты; зоны конфликтов; Чечня; государственное строительство.

Американские ученые (Университет штата Пенсильвания) отмечают, что за прошедшее десятилетие в научных и политических кругах возросло внимание к политической экономии вооруженных конфликтов и терроризма. Отчасти это связано с появле-

нием данных о систематическом участии террористических групп и противоборствующих сторон в гражданских войнах, особенно в развивающихся странах, в организованной преступной деятельности. Цель исследования – изучение связей между идеологически мотивированными повстанцами и корыстно ориентированным криминалом в евразийских конфликтных зонах, а также их влияния на повстанческие группы и конфликты. В качестве конфликтных зон Евразии рассматривались территории ряда государств, возникших после распада СССР и Югославии (в том числе Таджикистан, Узбекистан, Чечня, Абхазия и Южная Осетия, Молдова, Босния и Герцеговина, Косово), а также Афганистан.

После разрушения биполярного мироустройства стала наблюдаться связь организованной преступности и антигосударственных мятежей. Примерами могут служить алмазный конфликт в Африке, наркопартизаны в Колумбии и наркотеррористы в Афганистане. С одной стороны, в глобализованном мире, где организованная преступность легко преодолевает национальные границы, неисполнение законов в зонах конфликта обеспечивает подходящие условия для таких видов деятельности. С другой стороны, конец холодной войны привел к радикальному уменьшению государственной поддержки мятежей и терроризма. Восток потерял финансовые возможности поддерживать повстанческие группы за границей, а Запад – интерес к этому. Повстанческие группы были вынуждены самостоятельно зарабатывать деньги, обращаясь к другим источникам финансирования. Многие стали привлекать пожертвования от своей диаспоры; другие занялись самофинансированием на основе использования природных ресурсов или участия в незаконных формах торговли.

Связь между организованной преступностью и антиправительственными мятежами. Первоначально в центре исследований экономических аспектов вооруженных конфликтов, указывают авторы, находился вопрос о роли природных ресурсов как фактора затягивания конфликтов. Была выделена отдельная категория ресурсов – «доступных для разграбления» (lootable resources), куда вошли в первую очередь алмазы и наркотики. Результаты проведенных исследований показали, что наличие таких ресурсов не связано с инициированием конфликта, но положительно коррелирует с его продолжительностью.

Экономический подход направлен на выявление экономических, а не социополитических факторов гражданских войн. Как показывают экономические исследования, война – это не только разрушение экономики и системы организации общества, но и появление у воюющих сторон дополнительных возможностей для получения прибыли, власти и даже защиты. Ненадежность и непредсказуемость войны, вместе с расстройством или ослаблением законности и правопорядка, определяют поворот к более авантюристическому обществу, а также увеличение преступности и разрушение рынков. Эти вредные для общества в целом последствия создают возможности для обогащения отдельных вооруженных групп, а некоторым людям даже удастся преуспевать на войне.

Так называемая теория алчности (*greed theory*) гражданской войны критикуется как упрощенная и не подтверждаемая имеющимися данными, особенно в отношении начала конфликта. Эмпирические исследования показывают, что немногие конфликты были вызваны только или главным образом экономическими причинами. Основанная на концепции «*homo economicus*», эта теория представляет только одно измерение человеческого поведения и не может быть применена к такому сложному явлению, как гражданская война. Соответственно, внимание исследователей сместилось от обсуждения мотивов (алчность или недовольство) действий людей к обсуждению их возможностей, т.е. экономических условий и финансирования гражданских войн.

Крах коммунизма, построение государственности и организованная преступность. Как показал итальянский опыт (до 1990-х годов), организованная преступность может представлять существенную угрозу даже развитым государствам. Организованные преступные сети составляли намного более значительную угрозу слабым и развивающимся государствам, которые возникли после распада СССР и Югославии, считают авторы. Переходный период, сопровождающийся разрушением прежних государственных институтов, был благоприятным моментом для организованной преступности, сформировавшейся ранее, и позволил ей извлечь большую выгоду из происходивших преобразований.

Автор указывает на то, что организованная преступность, сформировавшаяся уже в 1920-х и 1930-х годах, была постоянным явлением в СССР. Существующая система власти сделала эту суб-

культуру крепкой и эластичной. Причем преступные элиты развивали симбиотические отношения с коммунистической элитой. Криминальные фигуры делились своим богатством с политическими фигурами в обмен на их защиту. Политическая элита нуждалась в преступных группировках, и наоборот. Исторический симбиоз с государством делает российскую организованную преступность фактически неотделимой частью государства.

Когда в 1991 г. советская власть разрушилась, то конкуренция за контроль над ресурсами практически стерла границу между законной и незаконной деятельностью. Крах коммунистического режима позволил теневым предпринимателям проявить себя. Преступные группировки были основным элементом в обществе, который понимал принципы рыночной экономики и использовал сложившееся положение для извлечения выгоды из приватизации. Кроме того, они опирались на знания и опыт десятков тысяч уволенных офицеров бывших служб безопасности. Впоследствии криминал стал более осторожным и менее откровенным, но не менее опасным для политической системы.

Описанные процессы затрагивали большинство, если не все посткоммунистические государства, но для государств бывшей Югославии и СССР они имели наибольшее значение. В самой трудной ситуации оказались южные республики Советского Союза с связи с обострением этнических и региональных противоречий, которые привели к ряду вооруженных конфликтов.

Чеченский конфликт. Война в Чечне вначале (1994–1996) имела характер территориального спора, но ее мотивация трансформировалась в ходе конфликта. Во время второй чеченской войны (1999–2000) религиозные мотивы все более выходят на первый план, подчеркивают авторы.

Сопротивление в Чечне продемонстрировало возможность так называемой самокриминализации: вместо того чтобы объединиться с криминальными группами, повстанцы и террористические группы сами действуют как организованные преступные группировки. Кроме того, конфискация оружия здесь получила большее распространение, чем незаконный оборот наркотиков. Наконец, благодаря коррупции в российской армии мятежники получали все необходимое и не нуждались в помощи со стороны групп органи-

зованной преступности. К 1997 г. 20 российских генералов были арестованы по различным обвинениям в коррупции (с. 100).

В дальнейшем российские власти в борьбе против мятежа стали использовать, кроме военного подавления, и другие способы. Например, разработаны проекты по строительству горнолыжных трасс и обустройству песчаных пляжей в Дагестане и Кабардино-Балкарии, требующие привлечения 22 млрд долл. инвестиций. Власти полагают, что их реализация обеспечит 300 тыс. рабочих мест для местных жителей (с. 101). Однако, по мнению некоторых наблюдателей, коррупция может затронуть эти проекты, так как есть определенное взаимопонимание между коррумпированными чиновниками в Москве и их коллегами на Кавказе.

Хотя военные действия в Чечне закончились, противостояние сторон здесь сохраняется в значительной степени из-за разногласий на почве ислама. Пока существует недовольство среди жителей Северного Кавказа, повстанческое движение будет в регионе расти. Противостояние уже распространилось на соседние с Чечней республики Северного Кавказа (особенно Дагестан). При этом политика Москвы и местных органов власти подпитывают мятеж, что усиливает вероятность длительного периода насилия в регионе.

Северокавказские группы организованной преступности в значительной степени связаны с Москвой, что обуславливает их низкую степень вовлеченности в конфликт. При этом ситуация в сфере организованной преступности на Северном Кавказе осложнена длительной историей конфликта, пропагандой и манипуляциями со стороны его участников. Однако чеченская мафия остается влиятельной силой в регионе, и некоторые ее члены вовлечены в чеченское сепаратистское движение.

Представленные авторами материалы доказывают, что организованная преступность – более существенный фактор в вооруженных конфликтах в посткоммунистической Евразии, чем обычно предполагается. Полученные в ходе проведенных исследований результаты важны для планирования операций по поддержанию мира и постконфликтного государственного строительства, в частности для понимания миссий по поддержанию мира и сложившейся обстановки и для определения задач (мандата) миротворческих сил.

Проблема заключается в том, что силы по поддержанию мира на территории, где стороны вооруженного конфликта еще и вовле-

ченны в организованную преступность, рискуют оказаться втянутыми в преступные операции, которым они не готовы противодействовать. Служащие и лидеры миссии по поддержанию мира могут оказаться не в состоянии преодолеть искушение сговора с преступниками. Это будет препятствовать достижению миротворческих целей миссии, а также создавать опасность для самих миротворческих сил. Понимание связей между повстанцами и криминалов может помочь миссии подготовиться должным образом.

Что касается мандата миссии по поддержанию мира, то важно определить, должен ли он включать операции против преступности. В состав миротворческих сил обычно входят военные, не обученные методам борьбы с организованной преступностью. Как показывает практика, мандат большинства миссий по поддержанию мира сегодня включает компонент правоприменения, а потому они сталкиваются с многочисленными трудностями. Из-за того что западные страны не учли высокий уровень криминализации элиты в Косово, в Европе появилось высоко криминальное государство. Возможен и худший сценарий: так, игнорирование влияния наркобизнеса на правительство в Афганистане подвергло опасности основную цель миротворческой миссии – борьбу с терроризмом.

Следовательно, необходимо найти баланс между сохранением мира и поддержкой закона, причем свой для каждого конкретного случая. Возможен и компромиссный вариант: силы по поддержанию мира не участвуют в борьбе с организованной преступности непосредственно, чтобы не подорвать местную экономику и не потерять доверие у местных жителей, но настаивают на гарантиях невовлеченности государственной элиты в организованную преступность. Какая бы стратегия ни была выбрана, нельзя закрывать глаза на проблему организованной преступности, надеясь, что она не достигает такого масштаба, когда под угрозой окажутся стабильность и режим власти в целом.

М.А. Положихина